

ПРИБАВЛЕНИЯ

КЪ ВОЛОГОДСКИМЪ

ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ

(Годъ сорокъ шестой).

Марта 1.

№ 5.

1910 года.

ВОСПОМИНАНИЯ ПРИЧЕТНИЧЕСКАГО СЫНА.

(Продолженіе).

Александръ Ивановичъ Дмитріевъ и Константинъ Андреевичъ Мусниковъ также заботливо относились къ своему дѣлу, преподавали хорошо, особенно Дмитріевъ, но были всегда какъ-то сухи, важны и серьезны неестественно, какъ намъ казалось, чѣмъ отъ себя и отталкивали. Алексѣй Семеновичъ Кулаковъ держалъ себя проще и естественнѣе, но любилъ иронизировать, а это наскъ оскорбляло. Онъ былъ учителемъ Греческаго языка, ариѳметики и географіи. Переводили разъ басню: „Астрологосъ“. Я не слушалъ и дѣжался разсѣянно. Вдругъ онъ обращается ко мнѣ съ вопросомъ: „что значить по русски это слово?“ Я растерялся, да и бухнулъ не въ попадъ: „верхоглядъ“. — Да вотъ ты-то, братецъ, верхоглядъ—отрѣзаль онъ мнѣ, не безъ насиѣшки. Но, къ счастью, эта кличка ко мнѣ не прильнула. А что обидѣло наскъ, такъ это какое-то шаловливое отношеніе его къ страданію человѣка. Наказываетъ, бывало, и смеется. Г. г. Колпаковъ и Рождественъ были естественны и симпатичны, хотя также по временамъ, какъ и всѣ другіе, прибѣгали къ розгѣ. Дмитріевъ, такъ этотъ наказываетъ человѣка розгами, бывало, и тутъ же убѣждаетъ и наказываемаго, и свидѣтелей наказанія, что по любви къ страдающему, изъ желанія добра, наносить раны ему. А мы, грѣшные люди, сидимъ и думаемъ иногда, — такъ ли ты, добрѣйший человѣкъ, наказываешь дочерей и жену, когда онѣ бываютъ въ чемъ—либо виноваты, — интересно бы знать.. Но, говоря о тѣлесныхъ наказаніяхъ, я долженъ замѣтить, что онѣ были не часты и не слишкомъ суровы, наши „мастера“ умѣли и облегчать ихъ, да при томъ и назначались они или за упорную лѣность, или же за грубое шальство въ церкви, въ классѣ, или на улицѣ, такъ что принципіальныхъ возраженій противъ тѣлесныхъ наказаній не приходило намъ и въ голову. А за неумѣренное шальство или своеоліе всѣмъ намъ понадало, надо сознаться, на калачи въ свое время и подъ кровомъ родительскимъ. Время

ужь было такое. Всѣхъ терпѣливо, изъ г.г. нашихъ учителей былъ конечно Константина Андреевича Мусникова, величавшій обыкновенно малоуспѣшныхъ учениковъ „бараными головами“. И мы у него всегда почти добивались помилованія, хотя и сознавали вину свою. Расскажу одинъ случай со мною, имѣвшій мѣсто на урокѣ Константина Андреевича, кажется, по ариѳметикѣ. Необходимо при этомъ пояснить, что входные двери въ классы вводили человѣка въ средину комнаты, по боковымъ сторонамъ ея стояли ученическія парты, впереди же у лицевой стороны находились учительскій столъ и кресло, а на стѣнѣ за ними, выше оконъ помѣщалась икона Спасителя. Ученики разсаживались, по успѣхамъ, по той и другой сторонѣ равномѣрно, такъ что первый ученикъ сидѣлъ за первымъ столомъ первымъ, на одной сторонѣ, а второй ученикъ сидѣлъ первымъ за первымъ столомъ на другой сторонѣ, за нимъ рядомъ съ первымъ ученикомъ сидѣлъ ученикъ третій, а рядомъ со вторымъ четвертый и т. д. Одинъ изъ спрошенныхъ учениковъ рѣшалъ задачку у классной доски, учитель, занимаясь съ нимъ, сидѣлъ въ своемъ креслѣ, между которымъ и лицевой стороной стѣны оставалось съ аршинъ, или четвертей пять свободнаго мѣста, для прохода человѣка. Намъ не было давно никакой работы. Отъ нечего дѣлать одинъ изъ насть, я-ли сидѣвшій на первомъ мѣстѣ второй парты, какъ второй ученикъ, или покойный Александръ Ивановичъ Дементьевъ, ¹⁾ сидѣвшій первымъ за первой партой, сдѣлалъ зайчика и швырнуль его по полу другому. Этотъ другой тѣмъ же путемъ возвратилъ зайчика первому. Намъ казалось, что учитель нашихъ занятій не видѣть, мы ихъ продолжали и увлеклись. Намъ уже не интересно было пускать зайчика по полу, захотѣлось пускать его по воздуху, по выше и повыше и довозышали до того, что пущенный наконецъ очень высоко зайчикъ ударился въ икону и отлетѣль отъ нея прямо на столъ учителя. Дошли ли. — Положеніе наше стало трагическимъ. Берегъ Константина Андреевича нашего зайчика за хвостъ и, поднимая его, взволнованно взываетъ: „бараны головы“. Кто этимъ занимается, вставай иди, пускай высѣкутъ! — Скрыться и запираться было бы безсовѣстно и немыслимо, потому что учитель вѣроатно давно уже замѣтилъ наше шальство и только терпѣлъ его до времени. И вотъ мы два шалуна рѣшительно и одновременно встали, призвали себя виновными, и просили прощенія. — Нѣть, говорить учитель, ступайте, пусть высѣкутъ.

¹⁾ Умеръ въ должности Смотрителя Устюжского уѣзда училища.

Простите! взывали мы... И темная туча продолжалась минутъ 10 и кончилась, къ нашему благополучию, прощениемъ. Понятное дѣло, изъ другихъ учителей, никто не простила бы насъ, да мы никогда и не рѣшились бы такъ испытывать ихъ терпѣніе. А у Аристарха Львовича это было уже совершенно не мыслимо. Его неизмѣннымъ правиломъ было на каждое „помилуйте“ отвѣтить прибавкою 5 ударовъ. Если бы вы позволили себѣ обратиться къ нему съ словомъ „помилуйте“ — трижды, то и получили бы, вместо 5-ти 20 ударовъ розгами. Ну и не повадно было взывать къ нему о милости.

Ничего не сказаль я еще о классныхъ трудахъ учителя первого класса, на которомъ лежала если не ошибаюсь, обязанность пріучать насъ, не воспитанныхъ дѣтишекъ сельского большую частію духовенства къ школьнай дисциплинѣ, и въ тоже время учить ихъ, иногда совершенно неграмотныхъ, Славянскому и русскому чтецію, письму и начальному счислению. Сколько здѣсь нужно было положить трудовъ, къ нимъ надобно владѣть запасомъ терпѣнія и хладнокровія. *) И это, за 10 рублей въ мѣсяцъ, если не измѣняется инѣ память. Возьмемъ напр. чистописаніе. Надобно было учителю и тетрадки наши на первое время сшивать, и награфить ихъ, и перья для насъ чинить (писали тогда вѣдь гусиными, а не стальными перьями), и для образца на тетрадяхъ своею рукою написать тѣ, или другіе знаки письменные — палки, или буквы, научить какъ правильно сидѣть при этомъ, правильно руку, пальцы и перо держать. Работа эта если и не каторжная, то во всякомъ случаѣ Егинецкая. И вотъ иной изъ насъ, начинающихъ бумагорателей, не успѣеть и двухъ — трехъ письменныхъ знаковъ написать, какъ снова идетъ къ учителю съ жалобою, что у него перо что-то „попортилось“, то вотъ тутъ „сучекъ какой-то мѣшаетъ“, и т. д. И смѣшино, и грустно, какъ подумаешь. А учителю то каково было возиться съ нами! Но отъ Димитрія Ивановича ¹⁾ я не слыхалъ и не помню ни одного слова ропота, ни тогда, ни позже. Правда, окончивъ курсъ однѣй изъ первыхъ студентовъ Вологодской Д. семинарии въ 1848 году къ началу учебнаго 1849 — 1850 года онъ только что былъ опредѣленъ учителемъ, но нетерпѣливый и не достаточно здѣшний человѣкъ могъ бы и въ теченіе первого года своей училищной службы обнаружить тѣ, или другія невыгодныя стороны своего характера, по съ ними этого не случилось. Я помню, что кромѣ умѣнія

*) Умершаго настоятелемъ Успенскаго собора.

его обучать и удивительного терпѣнія онъ зналъ, что дать ребенку и для внѣкласснаго занятія. Онъ первый далъ мнѣ и первую книгу на Русскомъ языкѣ для внѣкласснаго чтенія и спрашивалъ потомъ меня, что я тутъ понялъ, и какъ понравилась она мнѣ. Книги этой я не всгрѣчалъ потомъ въ жизни нигдѣ. Она была, думаю, переводная и называлась: „Гумаль и Лина“. Интересно-бы знать, сохранилась-ли она до настоящаго времени въ библіотекѣ Устюжскаго Д. училища, откуда она была взята Дмитриемъ Ивановичемъ? Съ какимъ удовольствіемъ, кажется, прочелъ бы яныѣ эту книжку, возбудившую нѣкогда во мнѣ интересъ къ чтенію!

Занятія въ училищѣ въ наше время начинались съ 8-ми часовъ утра и продолжались, съ двухчасовымъ перерывомъ,—отъ 12 до 2 часовъ,—до 4-хъ часовъ по полудни, каждодневно, кроме субботы, когда они прекращались въ полдень. Дневныхъ уроковъ было три, изъ нихъ два до полудня съ получасовымъ перерывомъ, и одинъ—послѣ полудня. Во время большаго перерыва занятій, между 12-ю и 2-мя, обыкновенно учителя и ученики расходились по своимъ квартирамъ для обѣда. Классныхъ журналовъ у насъ не было, а имѣлись у каждого учителя списки, въ которыхъ и отмѣчались „спищикомъ“ (однимъ изъ учениковъ, ведшимъ этотъ списокъ, по назначению учителя) степень знанія учениками каждодневно своего урока. Кто-же опредѣлялъ эту степень знанія уроковъ? А для этого существовалъ цѣлый рядъ почтенныхъ людей, изъ тѣхъ же учениковъ, которые обязаны были прослушать уроки извѣстнаго числа своихъ товарищей, опредѣлить степень знанія и сдѣлать соотвѣтственную отмѣтку въ спискѣ. Назывались одни изъ нихъ „авдиторы“, а другіе „повѣряющіе“. Первому назначалось, для прослушанія уроковъ, 5 учениковъ. а второму, для повѣрки, въ случаѣ апелляціи, или въ цѣляхъ прокурорскаго надзора до 20 учениковъ. Но „повѣряющій“ отмѣтокъ въ спискѣ не дѣлалъ, что было исключительно обязанностью авдитора, и не имѣлъ права исправлять отмѣтку авдитора, въ частномъ своемъ спискѣ, о чёмъ и докладывалъ потомъ учителю. Но этого никогда почти не случалось. Замѣчательно, что наши знанія отмѣчались не русскими, а латинскими словами. S (scit) значило твердо знаетъ, n̄b (nonbene)—не твердо, ms (malescit)—плохо, ns (nescit) ничего не понимаетъ. И вотъ учитель, по приходѣ въ классъ, послѣ краткой молитвы, садится въ свое кресло и развертываетъ уже находящійся на столѣ его списокъ, обра-

щаетъ свое вниманіе на тѣхъ иль учениковъ, которые ничего не знаютъ.—Почему не знаешь урока, говорить онъ спрошенному ученику.—Не могъ выучить Резолюція: поди, высѣкнуть. Ученикъ идетъ, молча получаетъ известное число ударовъ розгою и садится на свое мѣсто. А если кто скажетъ; „я знаю“ или „я выучилъ“, —иди и отвѣтай. Хорошо отвѣтилъ —правъ, плохо— двойная порція назначается. И такъ далѣе до послѣдняго ученика, не твердо урокъ знающаго. За тѣмъ обычно спрашивался кто-нибудь, безъ всякой очереди изъ лучшихъ учениковъ, всегда знающихъ урокъ, учитель начинаетъ приходить болѣе или менѣе въ благодушное настроеніе и за тѣмъ начиналось объясненіе урока, или переводъ по языкамъ, для слѣдующаго дня. Если же кто изъ отибченныхъ знающимъ отвѣчалъ иногда съ ошибками,—это уже въ вину не ставилось ни отвѣщающему, ни аудитору, изъ коихъ послѣдній иногда долженъ былъ отвѣтить урокъ самъ, вмѣсто не оправдывавшаго его отмытки ученика. И конечно было бы плохо, еслибы и аудиторъ, по нашей школьной терминологіи, „схватилъ столба“. Но такихъ случаевъ я право же не помню. Мы очень дорожили положеніемъ „аудитора“, а особенно „пропвѣряющаго“, а всего дороже намъ было довѣріе къ намъ учителей.

Въ ноябрѣ, декабрѣ и январѣ на послѣднемъ урокѣ было зимию обыкновенно въ классахъ уже темно. Нужно было ихъ освѣщать, и они освѣщались. Для этого въ каждомъ классѣ были привѣплены къ подволокѣ на жѣлѣзныхъ стержняхъ по два висячихъ жѣлѣзныхъ же подсвѣчника съ мѣстами для четырехъ свѣчъ въ каждомъ. Когда становилось темно, приходилъ съ достоинствомъ нашъ „Пилатъ“ (ужъ не потому ли его и окрестили этимъ именемъ наши остряки, что въ случаяхъ исключительныхъ, для позорной и жестокой казни училищныхъ грѣшниковъ, призывался училищною властію этотъ молчаливый человѣкъ?) и засвѣчаль въ этихъ висячихъ каанделябрахъ восемь не толстыхъ сальныхъ свѣчъ. Получался конечно полусвѣтъ, или полумракъ, что хотите, только не свѣтъ, но молодые глаза школьниковъ не только видѣли другъ друга, но видѣли даже и строки въ книгахъ. И вотъ въ эти именно часы послѣднихъ уроковъ случалось, навѣщаль насъ и отецъ ректоръ. Посидить, поспрашивать учениковъ, хорошихъ изъ вихъ похвалить, а лѣчишь большую частію только поугрожаетъ наказаніемъ „прутьями“ и уходить въ слѣдующій классъ. Однажды онъ пожаловалъ на урокъ Алек-

ксандра Ивановича Дмитриева въ 4-мъ классѣ. Шла рѣчь объ 11 и 12 членахъ символа вѣры. Александръ Ивановичъ слыть за знатока священнаго писанія и былъ человѣкъ безспорно умный. Передъ нимъ ли захотѣлъ блеснуть о. Ректоръ внушительностю своихъ богословскихъ познаній, или намъ показать на дѣлѣ, что овь не напрасно носить на груди золотой магистерскій крестъ, по мы стали замѣтить, что онъ ставить отвѣщающимъ ученикамъ такие вопросы, на которые отвѣтовъ мы не слыхали. Учитель инспекторъ спокойно докладывалъ что обѣ этомъ не говорено, не входить въ программу моль.—Отчего же? — Ваши ученики уже, вижу я, мыслятъ, съ ними можно разгуждатъ", замѣтъ о. Ректоръ. Заговорили о небѣ. Что такое небо видимое и невидимое? Есть-ли тамъ люди? Гдѣ они? Что дѣлаютъ? Гдѣ напр. наши Енохъ и Илія? Урокъ вышелъ у насъ приветесный, на славу. Но только одинъ изъ насъ сказалъ, что Енохъ и Илія взяты живыми на небо, гдѣ и находятся.—Да развѣ такъ? обращается тогда о. Ректоръ къ учителю.—Совершенно вѣрно, отвѣтъ нашъ учитель.—„Такъ говорить православное исповѣданіе вѣры, такъ катихизисъ Филарета, такъ учить Церковь, на основаніи Библіи". „Да развѣ такъ сказано въ Библіи" ставить прямъ вопросъ о. Ректоръ.—Такъ, кажется, уже какъ-будто неувѣренно, показалось намъ, отвѣчаль нашъ учитель.—„Давайте Библію," сказавъ тогда о. Ректоръ. Библія принесена. Самъ онъ береть ее въ руки, находить нужное для него мѣсто и, подавая се нѣсколько уже смутившемуся Александру Ивановичу, говоритъ:—читайте вотъ этотъ стихъ. Каково же было удивленіе не только наше, но и учителя, когда оказалось, что Илія взять „яко на небо.“ Потомъ о. Ректоръ пошутилъ съ учителемъ, посмѣялись тотъ и другой, и распорядился закончить урокъ тотчасъ же.

Церковь святых великомученицы Екатерины, что во Фроловѣ, въ городѣ Вологдѣ.

VIII. Переустройство холоднаго храма.

Не смотря на приватыя мѣры къ уменьшенію сырости во время ремонта храма въ 1883 году, она все—таки продолжала просачиваться по стѣнамъ храма; иногда доходила даже выше оконъ, отчего штукатурка вновь стала отставать отъ стѣнъ. Полъ холодной церкви вслѣдствіе переустройства теплой церкви оказался ниже уровня пола послѣдней на $\frac{1}{4}$ арш. Отъ пролол-

жительной копоти отъ ладона и дыма позолота на иконостасѣ, а также и живопись стали темнѣть. По этому поводу прихожане, собравшись по инициативѣ мѣстного настоятеля, въ 1902 году 14 сентября въ храмѣ для обсужденія весьма важнаго и не терпящаго отлагательства вопроса о необходимости капитального ремонта холоднаго храма, пришедшаго въ совершенную ветхость, постановили: ремонтировать холодный храмъ на средства приходскаго попечительства и избрать для сего строительную комиссию изъ числа опытныхъ прихожанъ. Въ комиссию вошли, кроме членовъ причта, церковнаго старосты и предсѣдателя приходскаго попечительства, какъ непремѣнныи члены сего попечительства по своей должности, слѣдующіе прихожане: Влад. Аркад. Альберти, Влад. Александ. Осокинъ, Аллек. Павл. Правдинъ, Фед. Ив. Коровинъ, Николай Пименов. Кубряковъ, Петръ Мих. Рыжовъ, Хрис. Никол. Дьячковъ, и Ив. Петр. Завольскій. Предсѣдателемъ комиссіи единогласно избранъ настоятель храма о. Николай Аполл. Карапуловъ. Коммисія тотчасъ—же обратилась съ просьбой къ своему прихожанину инженеру технологу Ив. Ив. Тимченко о составленіи проекта и сметы на возведеніе, взаменъ существующаго, новаго алтаря при холодномъ храмѣ, въ связи съ расширениемъ и поднятіемъ въ ономъ оконъ и пола. Проектъ и смета были составлены г. Тимченкомъ къ февралю 1903 года безвозмездно. Но строительнымъ отдѣленіемъ Губернскаго Правленія этотъ проектъ почему-то не былъ утвержденъ. Тогда приходская строительная комиссія обратилась къ одному изъ своихъ-же членовъ комиссіи прихожанину Губернскому инженеру Вл. Арк. Альберти для составленія новаго проекта и сметы, что имъ и было выполнено бесплатно къ 6 марта 1904 года вмѣстѣ съ пояснительной запиской и кондиціями по капитальному ремонту храма. Новый проектъ разсмотрѣнъ Строительнымъ отдѣленіемъ Губернскаго Правленія и утвержденъ по протоколу отъ 22 марта 1904 года за № 120-мъ. Смета составлена по каменнымъ, плотничнымъ, кровельнымъ, кузнечнымъ, столярнымъ, малярнымъ и штукарнымъ работамъ на сумму 3501 руб. 55 к. (кромъ иконост. работы). Каменные работы отданы на отрядъ подрядчикамъ за 1044 руб. Наблюдалъ за ними архитекторъ Ив. Ив. Павловъ за вознагражденіе въ 100 руб. Кирпичу на постройку куплено 21330 штукъ, по 18 р. тысячу, всего на 385 р., старого годнаго кирпича вышло около 5-ти тысячъ. Сколько и на какую сумму куплено другихъ материаловъ, документовъ полностью не сохранилось.

Ремонтъ началъ въ томъ—же 1904 году и продолжался все лѣто. Къ осени былъ сдѣланъ алтарь, переложенъ частами весь фасадъ церкви на цементѣ, увеличены проемы въ окнахъ и сдѣлавы въ нихъ новыя желѣзныя рѣшетки и вмѣсто существующихъ трехъ проемовъ изъ храма въ алтарь (царскія и двои пюномарсскія двери), сдѣлана одна большая арка, отъ чего значительно алтарь увеличился.

Лѣтомъ слѣдующаго 1905 года все стѣны оштукатурены съ обѣихъ сторонъ и съ виѣшней стороны обѣлены, а съ внутренней—выкрашены масляной краской подъ бѣлый колеръ. Сдѣлаша бетонъ изъ цемента и на немъ утвержденъ полъ изъ металлическихъ плитокъ, стоящий по 25 руб. за квадратную сажень, а весь полъ, кроме работъ по настилкѣ его, стоитъ 576 р. 50 к.

Иконостасъ остался тотъ—же самый, въ такомъ же видѣ, съ тѣми же царскими вратами и рѣзьбою. Поставленъ въ храмъ въ Іюнѣ 1906 года. Окрашенъ бѣлою краской, вся рѣзьба а колонны вызолочены вновь по полименту. Работа производилась Вологодскимъ мастеромъ Андреевымъ за 927 руб. Живопись на верху вся промыта. Рашы въ окнахъ все новыя. Двери съ Западной стороны—первая—стеклянная остались прежнія, вторыя, столярной массивной работы, сдѣланы новыя. Съ южной—такъ же двой и обои новые; первыя изъ котельнаго желѣза, съ желѣзными рамами, массивной, прочной и крѣпкой работы, куплены въ Москвѣ за 150 руб. *) вторыя столярной работы со стеклами въ переплетѣ.

Новый алтарь, вслѣдствіе уничтоженія трехъ столбовъ между дверными проемами и нѣсколько болѣе тонкой выкладки стѣнъ, значительно увеличился. Св. престоль въ немъ новый, изъ кипариснаго дерева, жертвованъ прихожаниномъ купцомъ М. П. Бобровымъ. Св. античникъ остался старый, освященный Вологодскимъ Епископомъ Павломъ въ 1868 году. Одѣжды на престоль и жертвенникъ спиты совершенно новыя изъ бѣлой серебряной парчи. Запавѣсь такъ—же новый, шелковый, синяго цвета, жертвованъ М. Н. Прокуряковой. На горнемъ мѣстѣ, въ окнѣ, въ величину рамы, поставлено изображеніе стоящаго Господа Вседержителя, написанное красками на полотнѣ. На правой сторонѣ въ стѣнѣ задѣланъ изъ толстаго желѣза хранилище, а на лѣвой двери наши,—для умывальника въ кадиль. Полъ въ алтарѣ тоже изъ плитокъ и возвышается на $\frac{1}{4}$ арш.

*) Единственный церковный двери такого вида въ г. Вологдѣ.)

Съ улицы, на восточной сторонѣ алтаря, выложена небольшая полуокруглая ниша, для помѣщенія въ ней иконы Б. М. Феодоровскія. Риза на иконѣ мѣдная, позолоченая, сдѣлана въ 1903 году на средства приход. попечительства за 120 руб. Во время богослуженій предъ ней всегда теплится. Въ народѣ она почитается за чудотворную.

По совершенномъ окончаніи всѣхъ работъ 1906 года, 25 Июля, храмъ былъ торжественно освященъ Преосвященнымъ Алексіемъ, Епископомъ Велико-устюжскимъ, соборне съ Вологодскимъ духовенствомъ при большомъ стеченіи богоильцовъ.

Послѣ Божественной Литургіи была предложена церковнымъ старостой Ст. Гавр. Заплатиномъ въ его домѣ трепеза Преосвященному Владыкѣ, служащему духовенству и всѣмъ лицамъ, принимавшимъ дѣятельное участіе въ постройкѣ храма. За трапезой была высказана Преосвященнымъ глубокая признательность радушному хозяину за его энергию и неустанные труды и заботы по постройкѣ храма, а такъ—же за примѣрный въ немъ порядокъ, чистоту и ведение хозяйства.

Высказана была глубокая благодарность и всѣмъ потрудившимся, благотворителямъ, украсителямъ и ревнителямъ славы храма Божія.

Богато и благолѣпно украшенный храмъ восхищалъ сердца всѣхъ благочестивыхъ богоильцовъ. Значительно разширенныя и удлиненные окна дали гораздо больше свѣта, увеличивавшагося еще отражениемъ отъ блестящеѣ бѣлаго фона стѣнъ и иконостаса. Совершенная сухость, безукоризненная чистота блестящая позолота на иконахъ, рѣзьбѣ и колоннахъ, красивый и чистый полъ и вообще весь обновленный храмъ произвелъ глубоко—отрадное впечатлѣніе на Владыку и на все множество собравшихся богоильцовъ. Но за то, вмѣсто предполагавшихся по сметѣ на ремонтъ храма 3501 руб. 55 коп., а такъ—же отданыхъ за позолоту иконостаса и чистку иконъ 927 р., издержано на всѣ нужды 5871 руб. 18 коп. Изъ нихъ собрано специально на этотъ предметъ членами строительной комиссіи по подписямъ листамъ 1790 руб. 18 коп. Скопленныхъ ранѣе и текущихъ доходовъ приходскаго попечительства за время постройки 3.181 руб. 55 коп. и взято Попечительствомъ займобразно 900 рублей (—5871 р. 76 к.)

Священникъ Михаилъ Васильевичъ Поповъ. (Некрологъ).

Съ такими стремленими Михаилъ Васильевичъ вступилъ въ новый періодъ своего пастырства. Ему пришлось продолжать дѣло отца, а тутъ трудность заключалась въ томъ, что здѣсь задача, высоткою была по самому существу. Почтенный отецъ его, свяц. Василій Михайловичъ Поповъ былъ выдающимся пастыремъ и въ своемъ окружѣ имѣлъ огромную славу и великий авторитетъ¹¹⁾. Преемникъ вынуждался сразу же вести самую интенсивную работу, начало которой было совершенно безъ него и иногда, можетъ быть, не по нему, Надо было войти душевно въ чужой трудъ, чтобы своими новшествами не нарушить добрыхъ начинаній и какъ-нибудь какъ-нибудь не затронуть естественную мнительность читаго родителя. Создавалось положеніе, психологически трудное вдвоявѣ, — и все дѣло усложнялось въ такихъ интимныхъ сторонахъ, гдѣ всякия препятствія бываютъ упорище и всего медленіе устрашаются, потому что находятся въ самихъ людяхъ и исчезаютъ только виѣстѣ съ ними... Правда, на первыхъ порахъ Михаилъ Васильевичъ располагалъ совѣтомъ и опытомъ своего здравствовавшаго отца, но это требовало отъ него большой, деликатной и напряженной выдержки, потому что опѣ все-таки не хотѣлъ и не могъ оставаться простымъ исполнителемъ чужихъ предначертаній, а желалъ быть отъственнымъ пастыремъ по долгу службы и по влечению сердца.. Сколько тогда было у почившаго тяжелыхъ внутреннихъ коллизій и мучительныхъ душевныхъ бореній — даже ирежде, чѣмъ онъ рѣшался на извѣстный шагъ и принималъ тѣ или иные пастырскія мѣры!.. У него вѣдь были свои выработанные навыки, нормы и правила, между тѣмъ надо было сообразоваться съ другимъ установившимся укладомъ, не поступаясь въ необходимости своимъ методомъ и не обезличиваясь допотери авторитета. Искренняя почтительность и глубокій тактъ сына при мудрости и самообладаніи отца умѣли находить примиреніе и сглаживать шероховатости на пути пастырского служенія. Но 3 августа 1905 года (въ ереду) Василій Михайловичъ скончался, — и отныне о. Михаилъ оказался одинъ. Конечно, ему стало теперь свободнѣе, за-то самое пастырское дѣло продолжало сохранять многія свойства чужого вдохновенія и не было всесѣльшимъ личнымъ его созданіемъ, какимъ

¹¹⁾ См. о немъ книгу: „Знаменательный день въ жизни сельскаго пастыря. Юбилей тридцатилѣтнаго служенія въ санѣ священника Василія Михайловича Попова 19-го февраля 1902 года. Съ 2-мя портретами и 3-мя снимками. С.-Петербургъ 1902“.

Здѣсь немало данныхъ и для біографіи о. Михаила. Въ приложеніи помѣщаемъ двѣ рѣчи здравствовавшаго тогда

оно явдалось на Моломѣ, а о. Михаилъ избѣгалъ вносить крутныя и рѣзкія измѣненія, чтобы не разстроить всей работы.

Въ дальнѣйшемъ мы и видимъ его искусствомъ труженикомъ, при чомъ онъ развивалъ наслѣдіе предшественника, постепенно внося свои улучшенія и обновленія, которыми достигъ огромнаго успѣха ¹²⁾). По прежнему о. Михаилъ былъ великимъ радѣтелемъ своего родового храма, благоговѣйнымъ и величавымъ совершиителемъ службъ церковныхъ, не пропущенныхъ имъ ни разу, неослабнымъ и назидательнымъ проповѣдникомъ, которому съ любовью внимали прихожане, тѣснясь около церковной каѳедры, откуда за каждою литургіей раздавалось его учительное слово, а въ зимнее время между утренею и литургіей всегда вельѣнѣ богослужебныхъ собесѣдованія, сопровождавшіяся общими пѣніемъ собиравшагося народа. Въ пастырско-приходскомъ дѣлѣ для о. Михаила все было одинаково важно, и онъ спѣшилъ на каждую требу немедленно, не смотря на время года, дня или ночи и никако не соображаясь съ личными удобствами, а пужено замѣтить, что Кобыльскіе прихожане всѣ требы (кромѣ браковънчаній и отпѣваній) привыкли совершать исключительно у себя по домамъ... И вотъ о. Михаилъ, едва вернувшись изъ одного отдаленнаго мѣста, глубокою ночью сейчасъ же устремлялся въ другое, осенью или раннею весной при тамошней распутицѣ часто рисковалъ, но по нуждѣ иногда ходилъ чуть не по колѣни въ водѣ, отъ чего давно простудилъ ноги и схватилъ ревматизмъ. Въ этомъ отношеніи покойный не щадилъ здоровья, работая надъ устроеніемъ своего прихода всѣми путями и средствами. Такъ, онъ учредилъ бесплатную народную библіотеку, куда ежегодно выписывалъ разныхъ изданій на 40—50 рублей, и чуть-ли не первымъ во всей епархіи ввелъ добрый обычай давать крещаемымъ наклеенные на картонъ образки съ изображеніемъ сына о почившемъ отцѣ—для характеристики дѣятельности второго и проповѣдства первого.

¹²⁾ Это настолько несомнѣнно, что сразу бросалось въ глаза даже постороннимъ наблюдателямъ. Такъ, протоіерей И. И. Тихомировъ, познакомившись съ книжками о юбилеѣ о. Вас. Мих. Соловова и о Мѣломѣской церкви, писалъ памъ 9 ноября 1909 г. слѣдующее: „Вѣчная память и отцу и сыну столь добрымъ подвигомъ подвизавшимся на ливѣ Господней! Вѣчный покой и царство небесное этимъ усерднѣмъ радѣтелямъ духовнаго просвѣщенія ввѣренныхъ имъ душ! Нести ва своихъ исключительно плечахъ десятки лѣтъ дѣло пастырского воспитанія и школьнаго образованія прихожанъ, образовать изъ ничтожества, въ трущобной глупи, благоустроенный приходъ—все это есть дѣло великое, многотрудное и посильное только такимъ людямъ, которые во все времена своей дѣятельности твердо вѣрятъ, что *ище не Господѣтъ созиждѣть... и хранитъ... всуе трудящася зиждущии.. и бдѣ стреги*. Благодарю за присылку книжекъ, давшихъ мнѣ возможность близко познакомиться съ приснопамятными служителями Божіими, съ коими буду пребывать въ молитвенномъ общеніи“.

соответствующихъ святыхъ и краткими житіями послѣдніхъ на-
оборотѣ. Въ своихъ пастырскихъ трудахъ о. Михаиль былъ неуто-
мимъ, не признавалъ для себя болѣзней и всегда работалъ съ обычною
спокойною энергией, если не сваливался съ ногъ отъ изнеможе-
нія и истощенія. Тутъ самая сила была для него искушеніемъ.
Средняго роста, плотный и коренастый корпусомъ темный ша-
тень съ широкимъ открытымъ лицомъ и яснымъ взглядомъ, —
онъ, по отзыву Петербургскихъ докторовъ, обладалъ колосаль-
ныиъ организмомъ и, ведя умѣренный, русски-радужный для
всѣхъ и простой образъ жизни, легко справлялся съ обычными
болѣзнями и даже тифы вынашивалъ на ногахъ, продолжая испол-
нять всѣ пастырскія обязанности. Въ ряду послѣдніхъ о. Ми-
хаиль съ особеннымъ рвениемъ отдавался церковно-школьному слу-
женію, почитая его необходимою частію церковнаго дѣланія па-
столько, что веснами иногда переходилъ за рѣку Югъ пря-
мо по водѣ, чтобы попасть на свои уроки въ Митенево
Горское училище. Мѣстная церковно-приходская школа по-
лучила при немъ широкое развитіе и достигла большихъ успѣ-
ховъ, которые съ рѣдкимъ единодушіемъ удостовѣряются всѣми
офиціальными свидѣтельствами ¹³⁾). Зданіе было обновлено и расши-
рено, достаточно снабжено учебниками и всяческими вспомогатель-
ными пособіями; устроено въ большомъ деревянномъ домѣ от-
дѣльный пріютъ съ помѣщеніями для дѣтей и для учительницы,
при чёмъ для первыхъ варилась похлебка. Заботливо охранялась
тѣсная связь школы съ церковью путемъ организаціи систематическо-
го участія учениковъ въ чтеніи и пѣніи за богослуженіями. Нѣко-
торыя деревни отстоять далеко отъ погеста и часть была отрѣзана
рѣкою Югомъ. Въ виду сего о. Михаиль — помимо школы гра-
моты — устроилъ еще при деревнѣ Митенева Гора особую школу.
Много было тутъ тяжелыхъ трудовъ и личныхъ материальныхъ
жертвъ, но о. Михаиль преданно любилъ свое дѣтище, никогда
не пропускалъ уроковъ, охотноѣздилъ туда за 5 верстъ для за-
вѣдыванія и законоучительства при всякой погодѣ, когда никто
другой не рѣшался отправиться „за рѣку“, и продолжалъ нести

¹³⁾ Это видно и по числу успѣшно кончившихъ здѣсь съ аттестатами,
хотя испытанія часто производились экзаменаціонными комиссіями при
крайне неудобныхъ условіяхъ. Въ числѣ офиціальныхъ документовъ можно
сослаться на хранящіеся въ статистическомъ отдѣлѣ Училищнаго Совѣта въ
С.-Петербургѣ отчеты Вологодскаго Епархиальнаго Наблюдателя, гдѣ имѣются
прекрасные отзывы и о Кобыльской школѣ и объ о. Михаилѣ, какъ опытномъ
законоучителѣ и заѣдущемъ, при чёмъ восхваляется и хорошая постановка
пѣній.

обязанности уже посль того, какъ эта школа (въ августѣ 1908 г.) отошла къ Никольскому земству не совсѣмъ прямымъ путями и къ великому душевному огорченію почившаго, котораго свои не поддержали своевременно, а потомъ еще пытались взыскать обратно данные въкогда 50 руб., хотя справедливѣе было бы вознаградить его за оссбую ревность и немалая материальная потеря.. Школьное дѣло было для о. Михаила излюбленнымъ, служило для него источникомъ душевныхъ печалей и чистыхъ радостей,— и онъ, самъ жертвуя отъ своихъ средствъ, привлекалъ къ нему всѣхъ полезныхъ лицъ. Такъ, только по его участію принялъ на себя званіе попечителя церковно-приходскихъ школъ Кобыльского прихода ладя о. Михаила, профессоръ С.-Петербургской Духовной Академіи Н. Н. Глубоковскій, который, очевидно, былъ полезенъ, если и Никольское земство постаралось удержать его въ этой должности для отобранный Митеево-Горской школы... Ими обоими совмѣстно были приняты дѣйствительныя реальнныя мѣры къ обезпеченію просвѣтительно-церковныхъ успѣховъ въ Кобыльскихъ школахъ,— и будетъ очень жаль, если нарушится доброе фамильное преемство, а появленіе новыхъ людей простоянитъ дальнѣйшее развитіе церковно-школьныхъ начинаній, зарождавшихся и крѣпшихъ на почвѣ родственнаго довѣрія... Всегда заботясь о воспитаніи добрыхъ нравовъ и устраниеніи пороковъ среди прихожанъ, о. Михаиль энергично насаждалъ трезвѣнность и въ интересахъ просвѣщенія очень много заботился о церковной библіотекѣ, которая постоянно обогащалась вкладами личными и другихъ (особенно проф. Н. Н. Глубоковскаго). Туда же покойный завѣщалъ и всю свою собственную цѣнную библіотеку.

Мягкій по характеру и нездобивый, онъ покорялъ и обезоруживалъ самимъ своимъ благодушіемъ и неисчерпаемою доброжелательностью. Доступный и ласковый со всѣми,— о. Михаиль не измѣнялъ своему настроенію при самыхъ тяжкихъ испытаніяхъ. Крестьяне иногда были не прочь воспользоваться этой мягкостію въ своихъ выгодахъ и стѣсняли свой пріятъ материально, ограничивая вознагражденія, отнимая самые необходимые выгоны и т. п., а вѣкоторые заяились даже специальными доносами по начальству,— и послѣднее, къ сожалѣнію, не всегда осмотрительно довѣрило такимъ тенденціознымъ кляузамъ... О. Михаиль все сносилъ съ нездобивымъ терпѣніемъ. Особенно трудно было ему въ тяжелые годы смуты, когда про-

паганда забралась въ эти далекіе края и подняла здѣсь темные силы певѣжества и озлобленія, при чемъ всѣ деревни забрасывались бесплатными „освободительными“ изданіями. О. Михаилъ былъ совершенно одинокъ, не находя себѣ поддержки даже въ ближайшихъ своихъ помощникахъ, державшихъ себя дипломатично или нимало ему несоответствовавшихъ. Тѣмъ не менѣе онъ оставался неколебимъ и твердо выдержать ужасный напискъ деревенской анархіи, не уступивъ ни на шагъ въ своеемъ великомъ служеніи пастыря Христова и русского гражданина патріота, хотя это больше всего внутренно истощало его. Для него утѣшениемъ было самое дѣло и умственный трудъ любознательного человѣка, который всѣмъ интересовался съ неослабнымъ вниманіемъ и обладалъ большими духовными пріобрѣтеніями въ самыхъ разнообразныхъ областахъ.

Среди собратьевъ почившій пользовался въ своемъ окружѣ рѣдкою любовью и большимъ уваженіемъ за свой свѣтлый умъ, добрый характеръ и пастырскій авторитетъ; его голосъ всегда имѣлъ особый вѣсъ на всѣхъ пастырскихъ собраніяхъ, а его уравновѣшенной опытаности довѣрялись самые тревожные и затруднительные дѣла, напр., слѣдственнаго характера.¹⁴⁾ Не даромъ же ближайшее духовенство проводило покойнаго въ могилу съ такою величественною и трогательною торжественностью.

Такъ, въ молитвѣ, ученіи и трудахъ жилъ о. Михаилъ въ Ко-
быльскѣ, работая для Бога, но ненаходя и неища вѣшнихъ отличій^{15).} По всему думалось, что ему предложало долгое жизненное поприще, ибо здоровье его казалось несокрушимымъ и, дѣйствительно, ст-

14) Такъ, о. Михаилъ нѣсколько разъ подъ — рядъ избирался депутатомъ по слѣдственнымъ и хозяйственнымъ дѣламъ. Эта должность была особымъ трудомъ, ибо приходилось судить своихъ же собратьевъ и разоблачать темные стороны, погружавшись въ разныя дрязги, не говоря о томъ, что поглощалась масса времени и немало средствъ. Въ примѣръ энергіи и независимости о. Михаила упомянемъ, что еще въ 1909 г. онъ долженъ былъ бѣхать великимъ постомъ за 160 вѣрстъ въ Ламенъгу и разбирать жалобу въ Св. Синодѣ 412 человѣкъ прихода на священника и благочиннаго. Пограчено было цѣлыхъ дѣвъ недѣлъ самого дорогое времени, но о. Михаилъ не пожалѣлъ силъ чтобы изслѣдоватъ до корня, и въ огромномъ представлѣніи отъ 20 марта на 50 листахъ не побоялся мужественно разоблачить что тутъ была лишь „кли-
зуа озлобленныхъ революціонеровъ“.

15) Съ этой стороны можно отмѣтить лишь слѣдующее: 31 марта 1879 г. о. Михаилъ награжденъ набедренникомъ за усердную и полезную пастырскую службу, а за таковую же по должности законоучителя и завѣдующаго Моломскою школой получилъ отъ Никольскаго отдѣленія Велико-Устюжскаго Стефано-Прокопіевскаго Братства письменную благодарность, утвержденную совѣтомъ братства и Преосвященнымъ 20 октября 1899 г.; въ 1902 году 2 апрѣля преподано благословеніе Его Преосвященства съ выдачею установленнаго свидѣтельства: къ 5 мая 1904 г. за отлично-усердную службу награжденъ бархатною фioletовою скучей. Состоялъ дѣйствительнымъ членомъ Никольскаго Комитета Попечительства о народной трезвости, 9—22 апрѣля

успѣхомъ боролось со всѣми открытыи нападеніями. Но под-
крадся врагъ внутренній и незримо повелъ свою губительную ра-
боту. О. Михаиль сталь рано серебриться преждевременною сѣдиной,
и чуткая прозорливость матери давнѣнко предвидѣла роковой исходъ.
Минувшимъ лѣтомъ дѣло стало столь скверно, что всѣ близкіе родные
были уже охвачены тревогой и печальными ожиданіями¹⁶⁾. Однако
больной, зная и чувствуя это, съ героическимъ мужествомъ
исполнялъ всѣ трудныя обязанности не только по своему приходу¹⁷⁾,
хотя не рѣдко, прия изъ церкви домой, буквально падать съ
ногъ, а внутренняя дрожь до такой степени потрясала его ор-
ганизмъ, что среди лѣта онъ принужденъ былъ ходить въ зим-
ней одеждѣ. Къ сожалѣнію, местные врачи не поняли всей
важности страшного недуга и (по дальности разстоянія) отка-
зывались навѣщать, считая данный случай амбулаторнымъ, во-
общеже ограничивались совершенно паліативными мѣрами и сред-
ствами. Лишь 27 августа наиболѣе опытный врачъ мужественно
засвидѣтельствовалъ свое незнаніе и посовѣтовалъ отправиться въ
С.-Петербургъ. 29 числа о. Михаиль пасогда покинулъ свой
домъ и приходъ, оставивъ престарѣлую матерь, серьезно больную
супругу (Александру Васильевну, урожденную тоже Попову) и двухъ
дочерей — малютокъ (Файну и Анну). Въ столицу онъ прибылъ толь-
ко 6 сентября. Положеніе его было тогда настолько плохо, что нельзя
было и представить, какъ онъ могъ совершить это далекое путе-
шествіе — на лошадяхъ по крайне неудобнымъ путямъ, въ боль-
шой тѣснотѣ на микроскопическомъ пароходикѣ и по желѣзной
дорогѣ, гдѣ ночью, обрываючи при спускѣ изъ вагона, приход-
илось переходить съ багажемъ нѣсколько верстъ (по слухамъ
сгорѣвшаго моста). Величайшее терпѣніе требовалось здѣсь со
сторонъ больного. У него былъ огромный, страшно болѣзниный
нарывъ на животѣ, и обваружилось невыразимо мукильное во-

1902 г. избранъ пожизненнымъ членомъ Парижскаго Общества имени Вален-
тина Гая о слѣпыхъ и имѣлъ свидѣтельство отъ 31 августа 1903 г. на право
ношенія Высочайше утвержденнаго знака за свыше десятилѣтніе труды по
званию корреспондента сельскаго отдѣла Министерства Земледѣлія и Государ-
ственныхъ Имуществъ.

¹⁶⁾ Дѣло было тѣмъ хуже, что сильно хворала и жена о. Михаила, по-
чему 5 августа послѣдній писалъ своему брату о. Николаю въ Біаррицъ, что
онъ или оводвѣтъ или самъ скоро помрѣтъ отъ той же болѣзни, какъ и ро-
дитель (у котораго предполагали ракъ)..

¹⁷⁾ Такъ, еще 20 августа онъ былъ на сѣздѣ духовенства въ Кичменг-
скомъ Городѣ (за 22 версты отъ Кобыльска), а 23 числа написалъ намъ
обширное дѣловое письмо, гдѣ бодро говорилъ о своихъ настырскихъ тру-
дахъ и лишь мелькомъ упоминалъ, что „ежедневно чувствуетъ боль въ го-
ловѣ и желудкѣ, котоый вообще неисправенъ“.

спаленіе въ лѣвой ногѣ. Трудно и опасно было тронуть съ ме-
ста, почему для перевозки даже по торцовой мостовой съ Невскаго
проспекта до Литейнаго понадобилась особая приспособленная
„санитарная карета скорой помощи“, куда 8 сентября о. Михаилъ
отнесень былъ изъ квартиры дяди на носилкахъ и затѣмъ по-
мѣщенъ въ отдѣльную комнату при 11-й палатѣ хирургическаго от-
дѣленія Маріинской больницы. 9 числа сдѣлалъ ему операцию
вскрытия абсцесса главный врачъ этого отдѣленія Dr. Григорій
Алексѣевичъ Свіяжениновъ, при чёмъ выпущено около 4 фунтовъ
гноя. Больному сразу сдѣлалось лучше, и всѣ окрылились свѣт-
лыми надеждами. Но онъ самъ, повидимому, не вѣрилъ этому, и
18 сентября, прощаясь съ отѣзжавшими домой своими родствен-
никами провожатыми (о. Викториномъ и Александрой Ржаницы-
ными), заливался горькими слезами, а потомъ не разъ говорилъ
петербургскимъ роднымъ о перевозкѣ тѣла его на приходъ, вы-
сказывая подозрѣніе о присутствіи у него рака. Послѣднему
заявлению никто не придавалъ значенія, и врачи предполагали
скорое исправленіе. Но назначенные для вставанья и сидѣнья
сроки проходили, между тѣмъ о. Михаилъ не могъ приподняться и
замѣтно для всѣхъ сталъ слабѣть и гаснуть. Послѣ 20 сентября
послышались зловѣщіе памеки, а 25 числа вечеромъ категори-
чески предупредилъ объ опасности протоіерей Маріинской больни-
цы Константина Ioанновича Знаменскій, все время принимавшій въ
больномъ самое горячее участіе съ братскою любовію и христіан-
скимъ самоотверженіемъ. Наконецъ, 2 октября главный врачъ
Маріинской болѣницѣ Dr. Алексѣй Алексѣевичъ Трояновъ со-
общилъ дядѣ о. Михаила, проф. Н. Н. Глубоковскому, рѣши-
тельный приговоръ, что у больного ракъ, и онъ умретъ отъ
этого безусловно. Домашнимъ роднымъ немедленно посланы теле-
граммы, которая особенно были страшны для нихъ своею роко-
вою неожиданностію послѣ прежнихъ успокоительныхъ извѣстій,
а къ 7-му октября вызваны изъ Вологды два сыва—воспитан-
ники 5 и 2 классовъ Духовной Семинаріи Василій и Николай
Поповы, которыхъ онъ въ первое мгновеніе—послѣ перевозки—
не призналъ, и хотя потомъ ласково благодарили: „Спасибо же
вамъ, дѣтки! При вѣсѣ мнѣ все-таки полегче“. Больной, уже
не разъ пріобщавшійся св. таинъ, 4 октября былъ напутство-
ванъ таинствомъ елосвященія, совершеннымъ прот. К. И. Зна-
менскимъ и его роднымъ братомъ свящ. Константиномъ Василь-
евичемъ Поповымъ при участіи іеродіакона Александра-Невской

лавры Валеріана, послѣ чего онъ, благоговѣйно перекрестившись, твердо сказалъ: „Слава Богу! Теперь мѣ можно умереть спокойно!“ и впослѣдствіи неоднократно повторялъ эти слова. Днемъ того же числа о. Михаилъ слабѣющею рукой написалъ на имя своей больной жены трогательное письмо слѣдующаго содержанія: „Прошу всѣхъ и молю—непрестанно молиться о мнѣ грѣшномъ. Васю, Колю, Фаню и Анюту (дѣтей своихъ) цѣлую и благословляю, прося ихъ не забывать и всегда слушаться. Посылаю свое благословеніе и всему Кобыльскому приходу. Живите все въ Богомъ: въ мирѣ, согласіи и любви и помолитесь за насъ грѣшныхъ. Мамашу (т. е. свою мать) цѣлую и благословляю. О. Викторинъ (Ржавицінъ) и (жена его, сестра почившаго) Саша пусть не забываютъ меня грѣшнаго въ своихъ молитвахъ. Цѣлую дѣтей, Сашу (жену), мамашу и тету (престарѣлую Марею Михайловну Попову). О. Діакону, псаломщику, школѣ и сторожамъ привѣтъ. Любящій и благословляющій Поповъ Мих.“¹⁸).

Послѣ этого окончательно оставили больного всякия житейскія пощеченія, о которыхъ онъ и прежде говорилъ крайне рѣдко, хотя весьма интересовался приходомъ, церквю и школами и требовалъ о нихъ съ мѣста точныхъ и подробныхъ донесеній. Больной ушелъ въ себя и сосредоточенно молчалъ, изрѣдка бредиль разными путешествіями и постоянно крестился, самъ же догораль и таялъ, какъ чистая свѣча предъ Господомъ. Крѣпкій организмъ голодалъ и развивалъ большой аппетитъ; а приемы пищи и питья способствовали лишь дальнѣйшему ослабленію, потому что все принятое вскорѣ мучительно извергалось рвотой. О. Михаилъ очень страдалъ, но долго не проявлялъ этого троекими вздохами и всегда заботился единственно о томъ, чтобы не побезпокоить даже больничную прислугу. Лишь съ октября послышались стоны, которые постепенно учащались и усиливались. Замѣчалось иногда ослабленіе памяти, но вообще сознаніе было ясное, и еще 15 октября онъ выглядѣть весьма бодрѣмъ на снятой тогда братомъ его о. Константиномъ фотографіи и вечеромъ надписалъ въ благословеніе своимъ малюткамъ—дочерямъ иконки св. Александра Невскаго и Казанской Божіей Матери. Большого непрерывно навѣщали и всячески облегчали родные, а дѣти дежурили каждый день все время, пока позволяли боль-

¹⁸ Въ этомъ же тоиѣ о. Михаилъ писалъ своему брату о. Николаю 22 сентября и 3 и 12 октября, тяготясь лишь своимъ бездѣствиемъ, что „Богъ привелъ мнѣ за грѣхи лежать въ больницѣ“; „не видя конца своему лежанію“, онъ просилъ: „простите Бога ради и помолитесь за меня грѣшнаго“.

ничные порядки, но часто заходили просто знакомые о. Михаила и его родственники (проф. Александр Александрович Борзовъ; Иванъ Ивановичъ Годубевъ, проявлявший самую дѣятельную и сердечную заботливость, земляки — членъ Г. Думы прот. Алексѣй Алексѣевичъ Поновъ и свящ. Михаилъ Степановичъ Поповъ). Утѣшали его и вѣсти отъ ролныхъ, письма которыхъ онъ перечитывалъ иногда по десятку разъ и часто засыпалъ съ ними въ рукахъ. Много и душевно заботились о немъ благостный протоіерей К. І. Знаменскій и іеродіаконъ Александро-Невской Лавры Валеріанъ (въ мірѣ Василій Григорьевичъ Храбровъ); послѣдній лежалъ въ томъ же хирургическомъ отдѣлении Мариинской больницы послѣ тяжкой операции и сѣдѣлъ за о. Михаиломъ съ самого поступленія его туда, а потомъ перебрался къ нему въ комнату и ухаживалъ съ нѣжною внимательностью до самого своего выхода, 8 октября¹⁹⁾). Врачебный персоналъ относился предупредительно, а младшій докторъ отдѣлениія изъ Вологодскихъ семинаристовъ Сергій Константиновичъ Адроновъ, доколѣ не былъ переведенъ на терапевтическое отдѣлениѣ, самолично дѣлалъ всѣ сложныя перевязки, которыя были столь мучительны, что, напр., послѣ одной изъ нихъ больной, видя предъ собою толстко-что пріѣхавшихъ изъ Вологды сыновей, не сразу могъ узнать ихъ. Больничный уходъ былъ достаточно тщательенъ, — и у о. Михаила послѣ смерти не оказалось пролежней, хотя съ вечера 8 сентября онъ уже не спускался ногъ съ койки. Не смотря на всѣ эти поеченія, елей жизни изсякаль неудержимо, но здоровый организмъ и на рѣдкость крѣпкое сердце героически боролись, поддерживаемые частыми вспышками подъ кожу оживляющихъ растворовъ (камфоры, опія). Однако 18 октября о. Михаилъ былъ уже живымъ мертвѣцомъ и ослабѣлъ до того, что не могъ откусить отъ цѣльнаго яблока, а 19-го только стоналъ и непрерывно крестился. Зрѣніе и слухъ сильно понизились, но при напряженіи больной всѣхъ узнавалъ и еще вѣчеромъ на вопросъ сестры милосердія о стоявшемъ предъ нимъ юношѣ твердо отвѣтилъ: „это мой сынъ, миленький Коля“. Ночью стало ему совсѣмъ плохо, и съ утра онъ уже не открывалъ глазъ, тяжело стоналъ, изрѣдка ворочался и двигалъ правою рукой, со сложеніемъ

¹⁹⁾ Послѣ этого о. Михаилъ остался и долженъ былъ ночевать одинъ, почему изъ предосторожности, чтобы онъ ночью не свалился съ койки, по длини послѣдней съ лѣвой руки была прикрыта доска, завѣшенная простыней, а направо находилась стѣна больничной комнаты при палатѣ № 11 хирургического отдѣлениія Мариинской больницы. Въ такомъ видѣ о. Михаилъ и былъ снятъ о. К. В. Поповымъ днемъ 15 октября 1909 г. (въ чет-

ными для крестного знаменія перстами; для облегченія дыханія приходилось давать кислородъ. Была несомнѣнная агонія, и тѣмъ не менѣе у больного еще теплилась искра сознанія, потому что въ $2\frac{1}{2}$ часа пополудни, когда ляя его, проф. Н. Н. Глубоковскій, поцѣловавъ въ уста и прощался, о. Михаилъ похолодѣвшему рукой слабо благословилъ. Была прочитана отходная о. К. И. Знаменскимъ, который, простудившись среди своей тяжелой и нервной службы, самъ былъ боленъ и вечеромъ слегъ въ постель отъ воспаленія легкихъ, но и тогда не прекращалъ своихъ заботъ совѣтами и распоряженіями чрезъ своихъ дѣтей²⁰⁾). Къ пяти часамъ 20 октября страданія о. Михаила прекратились, онъ успокоился и въ 5 ч. 40 м. тихо скончался въ присутствіи своихъ дѣтей ровно чрезъ 7 лѣтъ по вступленію на Кобильскій приходъ и послѣ 20 лѣтъ безъ 5 мѣсяцевъ служенія церкви Божіей въ священномъ санѣ, и то 40 лѣтъ 9 мѣсяцевъ и 12 дней отъ роду. Онъ точно заснулъ и — вѣримъ заснуль сномъ праведника вошедшаго въ покой Божій. Скончавшися *вмълти* — исполни *мъта дома*; *угодна бо бъ Господеви душа его* (Прем. Солом. IV, 13—14).

Врачебная экспертиза установила теперь смерть отъ саркомы (или ползучаго рака) бедра, при чемъ разрушены всѣ поджелудочныя ткани, и гнойная матерія проложила свій выходъ наружи чрезъ всю брюшную полость на поверхность живота около грудной клѣтки, гдѣ сочились непрерывно, останавливаляемая тампонами и перевязкой, въ которой почившій положенъ и во гробъ.

Тѣло было перенесено въ больничную часовню и 21 октября обрѣжено по іерейскому чину въ свѣтлое глазетовое облаченіе братомъ почившаго свящ. К. В. Поповымъ при участіи старшаго больничнаго дьякона Симеона Георгіевича Скоропостижнаго. Умершій вдали отъ родины, о. Михаилъ принялъ послѣдніе дары и благословенія самыхъ близкихъ ему лицъ: на него надѣта сорочка его родителя и возложенъ тѣлъный крестъ, которымъ его мать три года тому назадъ благословила своего брата, а подъ вергъ), или всего лишь за 5 сутокъ до смерти, при чемъ въ изголовье вышли изображеніе св. Анны Кашинской и больничный разграфленный листокъ съ отмѣтками температуры и перевязокъ, а выше была укрѣплена желѣзная черная доска съ надписью бѣлою краской имени его лѣтъ о. Михаила и его болѣзни: *abscessus abdominis*, т. е. нарывъ на животъ.

²⁰⁾ Между прочимъ трогательно, что онъ не только не принялъ даже 1½ рублей въ кружку за некоторые расходы по панихиидамъ, но возвратилъ ихъ отъ себя „на счастіе дѣтямъ о. Михаила“ особыми „царскими девятьами“ (которые чеканятся исключительно для Государя на подарки, тщательно отдѣляются и шлифуются отъ руки).

подушки спрятаны лента и цвѣтокъ изъ гроба его отца, сохранившіеся у проф. Н. Н. Глубоковскаго. По церковному чину тѣло положено въ цинковый гробъ, приспособленный для дальней перевозки (и съ устроеннымъ надъ головой во внутренней цинковой крышѣ стекляннымъ оконечкомъ, покрытымъ при послѣдней запайкѣ воздухомъ), такъ какъ о. Михаилъ выразилъ непреклонную волю быть погребеннымъ на своемъ родномъ приходѣ, гдѣ давно избралъ себѣ мѣсто рядомъ съ могилою своего отца и по близости отъ бабушки, Платониды Матвеевны Глубоковской. Затѣмъ совершились панихиды, ибо отпѣваніе предположено было на родинѣ. Въ служеніяхъ — кромѣ брата почившаго, о. К. В. Попова, и больничныхъ діаконовъ С. Г. Скоропостижнаго и младшаго Алексѣя Ioannovicha Волкова — принимали участіе священникъ Балтійскаго завода въ С.-Петербургѣ о. Михаилъ Степановичъ Поповъ, членъ Госуд. Думы Лальскій протоіерей Алексѣй Алексѣевичъ Поповъ, помощникъ предсѣдателя Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ прот. Ioannъ Ильичъ Тихомировъ, профессоръ С.-Петербургской Духовной Академіи и настоятель церкви Кавалергардскаго полка, митрофорный протоіерей Евгений Петровичъ Аквилоновъ, членъ Государственнаго Совѣта заслуженный профессоръ Харьковскаго Университета, митрофорный протоіерей Тимоѳей Ивановичъ Буткевичъ; приходиль отдать послѣдній долгъ и еродаikonъ Валеріацъ. Особенно торжественно былъ отправленъ вечеромъ 22 октября любимый почившимъ заупокойный паастасъ, который совершили протоіереи Е. Н. Аквилоновъ и Т. И. Буткевичъ вмѣстѣ съ о. К. В. Поповымъ. 23-го октября, въ пятницу, въ два часа совершена протоіереми Т. И. Буткевичемъ и И. И. Тихомировымъ и свящ. К. В. Поповымъ прощальная панихида, и затѣмъ похоронная процессія направилась по Невскому проспекту на Николаевскій вокзалъ. Во главѣ процессіи шель въ митрѣ о. Т. И. Буткевичъ. Былъ сумрачный и сырой день. Количества провожавшихъ родныхъ и знакомыхъ увеличивалось присоединявшимися изъ публики. У Зламенской Входо-Іерусалимской церкви процессія встрѣчена со звономъ, вышелъ самъ настоятель протоіерей Павелъ Потаповичъ Космодемьянскій вмѣстѣ съ протодіакономъ и совершилъ торжественную литію при огромномъ стечениі народа. На вокзалъ прибыли уже въ 3 часа. Въ вагонѣ прот. Т. И. Буткевичъ еще разъ совершилъ краткую литію, всѣ присутствующіе проѣхали дорогому о. Михаилу „вѣчную память“

и простились съ нимъ окончательно. Гробъ былъ запаянъ и съ поѣздомъ въ 12 ч. 20 м. ночи отправленъ въ сопровождениі дѣтей чрезъ Вологду и Вятку до ст. Пинюгъ и оттуда лошадьми на родину, чтобы здѣсь могила о. Михаила была отъ него наилучшимъ утѣшеніемъ и поученіемъ для родныхъ и прихожанъ на всѣ поколѣнія, какъ выразился самъ почившій въ своей рѣчи на одной изъ цанихидъ по своемъ родителѣ.

И. Глубоковский.

Новое „духовно-музыкальное произведеніе“ Михаила Гольтиsona.

,Воскресеніе Христово видѣвшее.“ Патріарха Нікона. Записано съ голоса странника о Пароенія въ 1904 г. въ Ѹера ѿнтовѣ монастырѣ (Новг. г. Кирилу) и обработано для полнаго хора Михаиломъ Гольтисономъ. Посвящается Николаю Ивановичу Компанейскому. Цѣна 40 коп.

Подъ такимъ заглавіемъ недавно появилось въ печати новое „дух.—муз. произведеніе“ М. Гольтисона. Здѣсь поставлены слова въ ковычкахъ, какъ напечатано на обложкѣ, а не съ какимъ либо особымъ намѣреніемъ. Въ Петербургѣ это произведеніе не одинъ разъ уже исполнялось публично въ большихъ концертахъ и оба раза производило сильное впечатлѣніе музыкальною своеобразностью, порождая споры. Оно можетъ быть отнесено къ числу тѣхъ, о которыхъ лучшіе новые композиторы церковной музыки говорятъ, что пройдетъ еще много времени, пока ихъ композиціи войдутъ въ церковную практику, такъ какъ церковное пѣніе, въ послѣднія двадцать лѣтъ опекаемое чуть—ли не семью начальками, всетаки остается безъ глазу. Рутина, зафѣшная клиросныхъ ремесленниковъ, не даетъ возможности видѣть далѣе Архангельскаго, а малыя познанія музыкально-неграмотныхъ, во амбиціозныхъ рукопашателей едва—ли достаточны для того, чтобы разобраться въ болѣе простыхъ церковныхъ композиціяхъ Чайковскаго. Церковное пѣніе развивается вездѣ не въ глубь, а въ ширь и мельчаетъ; когда лѣтъ двадцать слишкомъ назадъ покойный К. П. Побѣдоносцевъ взялъ подъ свою высокую руку и этотъ предметъ, тогда точно по мановенію волшебного жезла вездѣ нашлись „глубокіе знатоки“ церковнаго пѣнія и все духовно-учебныя заведенія начали одно передъ другимъ хвататься серьезностью постановки церковнаго пѣнія. Казалось, отлично проходитъ оно. Но три года назадъ на регентскомъ Московскомъ съездѣ обнаружилась вся неизглядная сторона „дутыхъ“ усаѣховъ постановки

ц. пѣнія Съѣхавшіеся со всѣхъ сторонъ Русскаго царства регенты въ ковычкахъ и настоащіе сознались, что церковное пѣніе стоитъ крайне плохо, въ иныхъ губерніяхъ неѣтъ ни одного музыкально-образованнаго преподавателя *). Въ то время, какъ лучшіе композиторы въ своихъ пріемахъ композиціи и въ стильності произведений идутъ впередъ, въ мѣстахъ, гдѣ ц. пѣніе должно культивироваться, происходитъ застой. Пресловутые „знатоки“, могшіе цѣнить пьесу только на основаніи чужого исполненія, оставляли безъ вниманія всѣ композиціи, какія имъ не приходилось гдѣ либо слышать, ибо сами не въ силахъ были прочитать ихъ, и удивлялись, что музык. произведенія могутъ бытъ оцѣниваемы и до исполненія хоромъ, чрезъ изученіе ихъ партитуры.

Обращаясь къ указанному въ началѣ этой замѣтки произведению, надо сказать, что М. Гольтисонъ не можетъ быть поставленъ въ рядъ съ Кастальскимъ, Чесноковымъ или Гречаниновымъ. Его первыя произведенія были въ родѣ того неудачнаго „Покаянія“ (№ 58 изъ Ц. — пѣвческаго сборника), которое такъ нравится невзыскательнымъ любителямъ и исполняется болѣе для забавы, чѣмъ для молитвы. Въ послѣднемъ же произведеніи г. Гольтисонъ идетъ по иному пути, желая слѣдовать Н. И. Компанейскому, которому и посвящаетъ свой трудъ. Но подражаніе всегда бываетъ слабѣе оригинала; да и Н. Компанейскій не во всѣхъ своихъ работахъ достаточно изященъ; у него встрѣчаются иногда шероховатости (впрочемъ, среди произведеній Компанейскаго есть и пріемлемыя, напр. ирмосы Пасхи, дьячковская хорувимская и нѣкот. др.). Гольтисонъ можетъ быть сравниваемъ съ нимъ только въ томъ, что при обработкѣ своего произведенія старается прямѣнить русскіе обороты, не считаясь съ цереподняемой энгармонизмомъ и модуляціями нѣмецкой гармонизаціей. Въ этомъ отношеніи трудъ Гольтисона заслуживаетъ вниманія тѣхъ лицъ, которые въ ц. пѣніи не толкуются на одномъ мѣстѣ. Среди наполняющихъ рынокъ Соколовыхъ Марковичей и иныхъ онѣ должны быть особенно отмѣченъ. Начиная запѣвомъ альта на первыхъ трехъ словахъ, Гольтисонъ далѣе пускаетъ весь хоръ, иногда сводя четыре цартии къ унисону, иногда усиливая дѣйствія нижнія — антифонію двухъ верхніхъ. Конечно, въ сочиненіи есть не

*.) Кстати замѣтить, что за весь XIX вѣкъ въ нашей Волог. губерніи былъ, повидимому, единственнымъ музыкально-образованнымъ преподавателемъ ц. пѣнія — умершій въ 1892 году священникъ Д. А. Неклюдовъ. Другіе дѣятели въ этой области пользовались только обрывками знаній этого человѣка. И въ настоящее время въ Волог. губерніи есть только одинъ преподаватель этого предмета (В. В. Демидовъ), не-дилеттантски изучившій свое дѣло.

достатки, напр. широкую мощную фразу: „св бо прииде крестомъ радость“ авторъ сразу смыняеть совершенно жидкимъ сладкимъ миноромъ и, какъ бы эффектнѣа этимъ контрастомъ, снова разводить громогласно послѣднія слова: смертью смерть разруши. Нацрасно авторъ дѣлаеть примѣчаніе, что пользоваться этой пьесой для другихъ переложеній и обработокъ онъ запрещаетъ; другія лица, можетъ быть, болѣе изящно обработали бы „голосъ“ о. Парѳенія.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

НОВЫЕ ИЗДАНІЯ П. ЙОРГЕНСОНЪ

(Москва, Неглинный проѣздъ, 14).

Петровъ-Бояриновъ П. Духовно-музыкальныя переложенія для трехъ голосовъ: 1. Догматикъ 2-го гласа Знаменаго роспѣва (премиировано на конкурсѣ 1908 г. Общества Любителей церк. пѣнія въ Москвѣ). Партит. и гол. по 30 к. 2. Догматикъ 6-го гласа того-же роспѣва; Ц. партит. 40 к., гол. 30 к.

Лисицынъ М. протоіерей. Ор. 6: для однороднаго 4-голоснаго хора: 1. Слава и пынѣ. Единородный Сыне. Парт. 30 коп., гол. 40 к. 2. Милость мира, парт. 30 к., 3. Отче нашъ. Парт. 20 к., 4. Въ память вѣчную (конц.) Парт. 30 к.; голоса каждого №-ра по 40 к.

— Ор. 17. Для смѣшаннаго хора. Отъ юности моей. Болгарскаго росп.—2. Достойно есть. Путеваго росп.—3. Вѣбранной воеводѣ. Киевскаго росп. Парт. каждого №-ра по 30 коп., гол. по 40 к.

Соколовъ Н. И. Нынѣ отпущаєши. Хоръ и теноръ—соло. Парт. 30 к., гол. 20 к.

Чесноковъ П. Ор. 21 а. 1. На рѣкахъ Вавилонскихъ. Парт. 50 к., гол. 40 к.—2. Покаянія отверзи ми двери. Парт. и гол. по 40 к.—Ор. 21. Пѣснопѣнія Всенощнаго бдѣнія. Съ дополненіями изъ ор. 11, № 1, 2, 3, 5 и изъ ор. 3, № 3 и 4. Партит. 3 р., голоса 2 р. 40 к. 3—3.

КОНТОРА
П. К. МЫЛЬНИКОВА
въ Ярославлѣ

Рождественская ул. домъ № 43 Кожеловской.

Производство асфальтовыхъ, цементовыхъ, бетонныхъ работъ, цементовыхъ лѣстницъ, сводовъ и выгребныхъ ямъ—устройство въ церквяхъ плиточныхъ половъ Харьковскаго завода Бергенгейма и др. работы.

10—1.

Товарищество Н. Л. ШУСТОВЪ съ С-ми извѣщааетъ:

что складъ въ г. Вологдѣ, нашего натурального Церковнаго вина, извѣстнаго своимъ высокимъ качествомъ, и представительство на продажу только въ Виноторговлѣ Т-го Д-ма И. А. Первушкина С-вой прот. Александр. сада, въ домѣ Свѣшникова.

Прейс-Курантъ.

№ 51 за	1	1/4	велра	2 р. 50 к.
, 54 "	"	—	3 "	— "
, 55 "	"	—	3 "	50 "
, 56 "	"	—	4 "	— "
, 57 "	"	—	5 "	— "

Покупающимъ ящиками или не менѣе ведра скидка.

Требовать разливъ фирмы въ 1/4 бутылахъ, за которые взимается по 25 к. за штуку и принимается обратно по той же цѣнѣ, упаковка, кромѣ воловокъ въ зимнее время, бесплатно.

Содержаніе:

1. Воспоминанія причетническаго сына.—2. Церковь святых великом. Екатеринъ. 3. Священникъ Михаилъ Васильевичъ Поповъ.—4. Новое „духовно-музыкальное произведение“ Михаила Гольтисона.—5. Объявленія.

Содержаніе 4-го №-ра Троицкаго Слова:

Благодатное слово. О воздѣлданіи.—Постъ.—Двѣ стороны христіанской жизнедѣятельности. Н. К.—Святыня подъ спудомъ. Тайна православнаго монашескаго духа. (Кедейныя записки Оптийскаго іеромонаха Евѳимія Трунова и отрывки изъ Оптийскаго монастырскаго архива).—Мой дневникъ. Е. Н.

Редакторъ Ив. Суворовъ.

Вологда. Типографія Губернскаго Правленія. 1910 г.